
Валерий ДУДАРЕВ

ПЕТУШКИ — КОХМА, ДАЛЕЕ НИГДЕ

Новеллы без героев

*Моим Марианне Андреевне
и малышу Ра посвящается*

КОХМА

Новелла первая — изначальная

Нам с тобой досталась малость,
Но она важна —
Кохма!

Кохмой называлась
Целая страна.

Жили-были Чудь да Меря —
Чудо-племена!
В семьях дружных в полной мере
Мяса да зерна.

В речках тех водилась рыба,
А в лесах зверье.
Вот уехал разве ты бы
Из нее?!

Гром гремел, бывало, гневно —
Молнии одне!
Поклонялись каждодневно
Солнцу да луне.

Сочиняли сказки, оды,
Плача да смеясь.
Правил ими воевода,
По-славянски — князь.

Краше не было на свете
Женихов, невест...
И над всем — над всем над этим
Водрузили крест!

Валерий Федорович Дударев — русский поэт, главный редактор журнала «Юность». О поэзии Дударева писали Лев Аннинский, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Алла Марченко, Новелла Матвеева, Инна Ростовцева и другие.

Всех земля перемолола,
Все пережила.
И у Божьего Престола
Новые дела.

Я и сам в иное верю:
Разошлись пути.
Только знают Чудь да Меря,
Где меня найти.

ВЕСНА В КОХМЕ

Новелла вторая — скорбящих радость

На приступочке в малом провинциальном городе —
Место это даже крыльцом не назвать —
Застыл человек, словно мошка в янтарном коробе,
Подставил ноздри солнцу и — ать! —
Стал — человек как человек,
Ни с кем не сравнимый,
И смотрит сквозь снег,
И снега мимо.

А в конце дня желтым зажигаются окна,
И возле каждого такого окна
Во весь рост встает — вот как! —
Ни с чем не сравнимая тишина.

А когда руки ручьев
Ощупают землю, как скульптор глину,
Словно ничье,
Я свое сердце выну —
И
Монументально,
Непоправимо,
Любви полна,
Тут же взойдет она —
Ни с кем, ни с чем не сравнима,
Ранняя, раненая весна.

КОХМОФУТУРИЗМ

Новелла третья — формальная

Приедешь в Кохму навсегда,
Едва поймешь, что значит Кохма.
А Кохма — это просто кофта
Из кофт, что были и тогда —
В серебряные те года.

АТЛАНТИДА

Новелла пятая — таинственная

Я Кохмой иду.
Обретаются снова
Улыбки, приветы.
Живется легко!
Так в Вологде ждут не дождутся Рубцова,
Где так полногласно звучит «молоко».

О, я бы дождался!
Но Кохма — иное.
Повсюду звучит полногласное «я».
Пятнадцать, январь, лебядя и льняное,
Пятерочка, прялка и даже семья.

Как яство, несу нетяжелую фразу.
Вот так и бреду — бестолков и учен —
Из дежки отпив рукодельного квасу,
Отведав есенинских рыхлых драчен.

Ах, ярмарка-сказка вдруг скрылась из вида.
Так что это было?
Виденье ли?
Сон?
Не зря здесь под воду ушла Атлантида,
А якорь на Уводи бросил Ясон.

Ночь.
Женское племя встречается разное:
То тянется к небу, то падает ниц.
Задумайся, странник, получится разве
Нежнее, привольней сыскать чаровниц?

О, ясные очи!
О, яркие взоры!
Насмешница месяцем выгнула бровь.
Под гроздь салюта — под залпы Авроры
Судьбой наливаются кровь и любовь.

Здесь жить интересней.
Мне жить интересней.
Куда ни посмотришь — и явь, словно новь!
Куда ни придешь — обрети и воскресни!
О, как же насмешница вскинула бровь...

В домишке ближайшем звучит радиола.
Дедок у плетня уплетает морковь.
И чуются села — далекие села,
Где свадьба за свадьбой,
Где песня за песней,
Где все еще помнят, что значит ятровь.

КЛИМОВ-ЮЖИН

Новелла шестая — хулиганская

Не привлекался,
 Не скандалил,
 Не пел, не пил
В Кохме —
 Даже не обнаружен —
 Не какой-нибудь там дебил —
Поэт-эрот
 Климов-Южин!

Легче в гаджет кидать понты.
Ах, мещанская душонка — дешевка,
Разве постигнуть сумеешь ты,
На что Климову-Южину Мурашовка?!

Разве сможешь поднять рюмаш,
Как в скитаньях из Южи в Кохму.
Климов-Южин — спасатель наш?!
Я — допишу!
 Я — не сдохну!

Смотрю в окошко — гляжу в печаль.
Нескончаемы снег и ветер!
Прав был Блок, но смертельно жаль
Всю вселенскую дурь в поэте.

Стрелопесни его — лови!
Рано Кохмой на бой разбужен
Одинокий певец любви,
Нескончаемый Климов-Южин!

ЛЕСИН

Новелла седьмая — героическая

Когда по Уводи — печальный —
Пройдет последний пароход,
Я вновь увижу берег дальний
И неподвластный мне народ.

Чудесно небо!
Мир чудесен!
Чудесен белый пароход!
Поэт-трибун Евгений Лесин
Застыл у черно-белых вод.

Взлетают волны роковые,
Стихия дикая ничья —
Ей удивительно: впервые
Евгений Лесин у ручья.

Евгений Лесин сплюнет жарко
И, равнодушный сделав вид,
Прозрит: по всем законам жанра,
На Черной речке он стоит!

Все как и прежде: или — или!
В руке не дрогнет пистолет!
Давно дуэли отменили,
А речку — нет.

ФРОСТ

Новелла восьмая — потусторонняя

...Бабачит и тычет...

О. М.

Сияют лозы.
Хохочут козы.
Бабачит кошка,
Ей тычет мошка:
Одна дорожка —
Всем на погост!
В чаду и скверне
Завис в таверне
Твой благоверный,
Твой Роберт Фрост!
В нем сиротливо
Цветет крапива,
В нем молчаливо
Взошел бурьян,
В нем, как монеты,
Звенят кометы,
Свежи приметы
Чужих семян.
Коль не из робких —
Спешу по тропке:
Начнутся сопки
И гаолян.

ШЕСТОВ

Новелла девятая — философская

*У нас в России до сих пор продолжают
смешивать чудеса с идеалами.*

Л. Ш.

В Кохме читают философа Льва Шестова —
В Кохме чтут и любят такого.
Эта — одна из кохмских чудес примет!
Оттого и струится здесь, роково и шизово,
Над халупой любой тот несказанный свет.

ТРОЕ

Новелла десятая — хрустальная

В Кохме ночи хрустальнее,
Чем роса на лугу.
В дымке облако дальнее
Обратилось в деньгу.

Над заморскими милями
Дождь монет.

Ну и ну!

Как же,
Осип Эмильевич,
Не почувать страну?

Это,
Осип Эмильевич,
Вам не лагерный тлен —
Поднимается милое
Чудо-Юдо с колен.

Рынок.
Турция.
Кофточку!

Перекур.
Перегар.
Под свиную ли косточку,
Под вороний ли «кар»

Александр Аркадьевич,
Вас погонят взащей!
Обращаются кадрово
Палачи в торгашей.

Обратилась загодя
Вся кремлевская рать —
Даже малая запонка,
А должна покорять.

Каждый вовремя ссучится —
Благодать да приятя!
Улыбнись — и получится
И продать, и предать.

Как же нам — палисандровым —
Недосталось Руси?
Вон Сергей Александрович —
У него попроси!

ТРОЯ

Новелла одиннадцатая — тихая

В Кохме ночи неслышнее,
Чем роса на лугу.
В звездах облако ближнее
Обратилось в деньгу.

Над родимыми мелями
Дождь монет.

Ну и ну!

Жил-был

Осип Емельевич —

Чуял Трою-страну.

Жил Сергей Александрович,
Поживал — гой еси!
Мы же грезы Кассандровы.
Трои — нет!

Нет — Руси!

ЕРОФЕЕВ

Новелла двенадцатая — подарочная

Всем дарованы свыше:
И печаль, и печать —
Ерофеев не пишет:
Петушки либо Кохму
Как теперь выбирать?
От нее и оглохну,
И услышу опять —
Тишину над пригорком
В липком мареве горьком,
Где черникова прядь.

Гильотину ли, дыбу
Вымерять, выбирать —
Нескончаемый выбор!
Вся кремлевская рать
Отворит со кручиной
Потребительский рай!
Будь же, падла, мужчиной:
Каравай выбирай!
Обращая в потеху
И тюрьму, и суму.
До кремля не доехать —
Никому.

Никому!

В Петушках в каждом доме,
Словно в озере кит,
На печи в полудреме
Ерофеев урчит.
Вот и вся подоплека.
Братцы! Мне какво —
Если в Кохме далекой:
Никого.

Никого!

В Кохме той полустанок
Паровозом прикрыт.
И светлы спозаранок
Буерак и бандит.
Предрассветные блики
И в раю, и в аду.
Ерофеев великий,
Я тебя подожду.
Там, где Увось осокой
Шелестит на ветру,
В волхованье высоком
Обступают ветлу
Летописная меря,
Заповедная чудь.
В это трудно поверить,
Ну, хотя бы чуть-чуть.

ПЕТУШКИ — КОХМА

Новелла тринадцатая — отрадная

Каждый день Господь Бог создает небо и землю.
И Кохму создает Он.
Из сотворенного Кохму одну приемлю:
Вон — электричка.

Скорей — в вагон!

Если вдруг в электричке
Стянут горе-вещички,
Которые ты зачем-то нажил,
Не грусти даже —
Хлебни водички,
Прекрасна твоя пропажа!

Ведь в Кохму все пути, все дороги — млечны.
Это Петушки вечны,
А Кохму надо создавать каждодневно.
Лишь в Кохме моя царевна!

Но из Петушков в Кохму нет электричества.
Как же ты там, мое высочество, а может, величество?

Зато в Кохме певуч ночной тепловоз,
Добры собаки, печальны кони,
И на скамейке среди соловьев и роз
Мир ясен как на ладони.